

УДК 347.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КОНКУРСНОГО ПРАВА НА КОНСТРУКЦИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

М.В. Телюкина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, 119571, Россия
Российский новый университет, г. Москва, 105005, Россия*

Аннотация

В статье исследуется правовая функция конкурсного права, которое действует на регулируемые им отношения таким образом, что они изменяются по характеру, внутренней организации и особенностям реализации. Данный феномен называется автором трансформационным (трансформирующим) воздействием конкурсного права. Особое внимание сосредоточено на особенностях трансформации различных аспектов конструкции юридического лица, находящегося в процессе производства по делу о банкротстве; в частности, рассмотрены такие вопросы, как оспаривание сделок, реорганизация юридического лица-должника и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках развития доктрины снятия корпоративных покровов. Подчеркивается, что нормы конкурсного права не создают новую отрасль или новый институт, но видоизменяют существующие институты для целей конкурсного права.

Ключевые слова: конкурсное право, несостоятельность, банкротство, конкурсная трансформация, реорганизация, саморегулирование, оспаривание сделок, снятие корпоративных покровов, компенсационный фонд

Конкурсное право – система норм, регламентирующих отношения между должником, не исполняющим свои обязательства, его кредиторами и третьими лицами.

Дискуссия по поводу отраслевой принадлежности конкурсного права ведётся давно и активно. Высказываются мнения о том, что конкурсное право – институт гражданского права, институт предпринимательского или коммерческого права, комплексный правовой институт, комплексная отрасль законодательства (см. [1–6]). Можно даже привести аргументы в пользу вывода о том, что его следует рассматривать как новую отрасль права, ибо при желании мы можем выявить все параметры, необходимые для квалификации системы норм права как отрасли: самостоятельный предмет, метод, функции, цели, систему субъектов, законодательное ядро (подробнее см. [7]).

Действительно ли конкурсное право представляет собой некую самостоятельную совокупность правовых норм? В положительном ответе на этот вопрос можно усомниться в силу того, что, по сути, все отношения, регламентированные нормами конкурсного права, уже регламентированы нормами иных отраслей. Например, рассмотрим такой аспект, как признание недействительными сделок определённого субъекта; это может существенно повлиять на финансовую стабильность юридического лица, особенно если происходит непредсказуемо и через несколько лет после совершения сделки. В классической гражданско-правовой регламентации указанных отношений имеются субъекты, которые могут заявить о признании сделки недействительной, субъекты, сделка с которыми может быть признана недействительной, основания и цели признания данной сделки недействительной, сроки исковой давности по оспариванию данной сделки. В конкурсной регламентации мы видим то же самое, но в совершенно особенном исполнении: после возбуждения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) оспорить сделку должника можно, но с соблюдением норм гл. 3.1 Федерального Закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве, 127-ФЗ).

Целью конкурсного оспаривания будет являться защита интересов кредиторов, иногда даже в ущерб интересам контрагентов. Точнее, интересы контрагента страдают всегда, поскольку он вынужден отдать в конкурсную массу всё полученное от должника, а сам должен требовать переданное должнику по сделке в порядке очерёдности удовлетворения требований кредиторов. При этом, если контрагент недобросовестный, то такое ущемление интересов доктринально можно квалифицировать как своеобразную санкцию. А вот в ситуации, когда контрагент является добросовестным, то есть он не знал и не мог знать о том, что сделка причиняет вред кредиторам, разумного обоснования ущемления интересов кредитора, кроме приоритета целей конкурсного права над целями гражданского права, не наблюдается.

Приведём пример описанной ситуации. Субъект «А» предложил субъекту «В» выгодно, с дисконтом порядка 40% от рыночной стоимости, приобрести принадлежащее «А» на праве собственности имущество, мотивируя срочностью сделки. Если после совершения данной сделки в течение непродолжительного времени в отношении «А» будет возбуждено производство по делу о банкротстве, то данная сделка может быть признана недействительной спустя большой временной промежуток после её совершения (4-5 лет – вполне реальный срок). Соответственно, срок исковой давности будет связан не с моментом, когда субъект «А» узнал или должен был узнать о нарушении своего права (как это заложено в классической теории), а с моментом назначения арбитражного управляющего.

Особым образом в конкурсном праве определяются и субъекты оспаривания, которыми являются не сам субъект в лице руководителя, как в классической теории, а либо арбитражный управляющий, либо кредитор, чьи требования подтверждены для целей участия в конкурсе и внесены в реестр требований кредиторов. Основания конкурсного оспаривания тоже отличаются от оснований общегражданского (классического) оспаривания; не будем на них останавливаться подробно.

Итак, особенностей много, и они весьма существенны. Но достаточно ли этих особенностей для того, чтобы говорить об отраслевой самостоятельности конкурсного права? Можно ли считать, что конкурсное оспаривание чем-то принципиально отличается от гражданско-правового?

В настоящей статье хотелось бы предложить альтернативу положительному ответу на поставленный вопрос. Состоит она в следующем утверждении: конкурсное право обладает способностью особым образом воздействовать на отношения, уже урегулированные другими отраслями права, видоизменять данные отношения. Иными словами, можно говорить о трансформирующем воздействии конкурсного права на другие отрасли, прежде всего на гражданское право, гражданский и арбитражный процесс.

Обратимся к аспектам конкурсной трансформации. Один из них – прекращение юридических лиц. Традиционные способы прекращения юридического лица – реорганизация и ликвидация – имеют ряд конкурсных особенностей, что позволяет сделать вывод о проявлении в данном разрезе такого правового явления, которое мы назвали конкурсной трансформацией.

Прежде всего рассмотрим механизм трансформационного воздействия конкурсного права на реорганизацию юридического лица-должника.

Часть 2 п. 3 ст. 64 Закона о банкротстве устанавливает запрет на принятие юридическим лицом решений о реорганизации (в любой из пяти форм) и ликвидации после введения наблюдения (127-ФЗ). Полагаю, что наличие запрета на принятие определённых решений позволяет сделать теоретический вывод об ограничении правосубъектности должника в течение наблюдения, то есть имеет место трансформация объёма правосубъектности юридического лица в рамках конкурса. Подробное рассмотрение проблематики правосубъектности выходит за рамки настоящей статьи; отметим интерес к ней учёных (см. [8–10]).

С запретом принимать решения о реорганизации и ликвидации после введения наблюдения связано множество вопросов; с одним из них автору настоящей статьи пришлось столкнуться на практике, когда возникла следующая ситуация. После введения наблюдения выяснилось, что незадолго до подачи в арбитражный суд заявления о банкротстве юридическим лицом было принято решение о реорганизации в виде слияния с другим юридическим лицом. Наблюдается правовой казус. С одной стороны, реорганизация в наблюдении невозможна, поскольку Закон о банкротстве запрещает принятие решений о реорганизации после введения наблюдения. С другой – если решение о реорганизации уже принято (а может, даже начало исполняться), возникает вопрос: имеются ли правовые основания для прекращения исполнения этого решения? Нормы, устанавливающие таковые основания, в настоящее время отсутствуют, поэтому проблема может быть решена только посредством применения общих принципов разумности, добросовестности, экономической целесообразности.

Применительно к финансовому оздоровлению ч. 4 п. 3 ст. 82 Закона о банкротстве устанавливает, что должник не вправе без согласия собрания кредиторов (комитета кредиторов) и лица или лиц, предоставивших обеспечение, принимать решение о своей реорганизации (слиянии, присоединении, разделении, выделении, преобразовании) (127-ФЗ). Из буквального толкования следует, что с согласия собрания (комитета) и субъекта, предоставившего

обеспечение (если таковое имело место), реорганизация должника, в отношении которого проводится финансовое оздоровление, возможна. На наш взгляд, любая реорганизация должника, находящегося в процессе производства по делу о банкротстве, противоречит внутренней сущности конкурса (отдельный вопрос – реорганизация на стадиях внешнего управления и конкурсного производства – выходит за рамки настоящей статьи). Иначе говоря, конкурсная трансформация реорганизации должника не соответствует целям законодательства о банкротстве.

Следующая проблема – конкурсная трансформация реорганизации саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (далее – СРО АУ).

Статус саморегулируемой организации арбитражных управляющих как субъекта гражданских отношений можно назвать двойственным. С одной стороны, СРО – это некоммерческое юридическое лицо, с другой – лицо, внесённое в реестр саморегулируемых организаций; наблюдается два элемента статуса: первый, основной – общегражданская правосубъектность, второй, субсидиарный или надстроечный – специфичная правосубъектность.

Общегражданская правосубъектность возникает вследствие регистрации юридического лица в форме некоммерческой организации. Закон не конкретизирует приоритетность какой-либо организационно-правовой формы; в настоящее время таковой выступает ассоциация (союз), ранее это было некоммерческое партнёрство, которое после внесения в ГК РФ изменений утратило самостоятельный статус. Отметим, что многие СРО и сейчас продолжают функционировать в организационно-правовой форме некоммерческого партнёрства; при этом возможно толкование, основанное на нормах п. 1 ст. 54 ГК РФ, доказывающее, что некоммерческие партнёрства могут не только существовать, но даже регистрироваться в таком качестве.

Реорганизация СРО допускается, во-первых, в рамках одной организационно-правовой формы, во-вторых, в рамках одного надстроечного статуса: в силу п. 4 ст. 21 Закона о банкротстве СРО АУ может быть реорганизована только в форме слияния двух и более саморегулируемых организаций арбитражных управляющих или в форме присоединения одной СРО АУ к другой (127-ФЗ). Так, например, ассоциация, имеющая статус СРО, не может присоединиться к некоммерческому партнёрству, имеющему статус СРО, либо к ассоциации, не обладающей таким статусом; в данном случае мы наблюдаем исключение из общих правил, установленных ГК РФ для реорганизации.

Можно сделать следующий вывод: существует правопреемство в части перехода к правопреемникам не только общегражданских прав и обязанностей юридического лица-некоммерческой организации, но и конкурсных прав и обязанностей, определяемых надстроечным статусом СРО АУ. Но следует ли из этого, что вновь образованная в результате реорганизации СРО АУ не должна переоформлять документы, определяющие её статус?

Кроме того, в силу ч. 2 п. 2 ст. 25.1 Закона о банкротстве в случае реорганизации саморегулируемых организаций арбитражных управляющих компенсационный фонд саморегулируемой организации формируется в том числе за счёт компенсационных фондов реорганизованных саморегулируемых организаций (127-ФЗ). Данная норма была введена Федеральным законом от 29 июля

2017 г. № 266-ФЗ (266-ФЗ) с целью пресечь злоупотребления, из-за которых компенсационный фонд после реорганизации оказывался несформированным (однако нет полной уверенности в том, что формулировка указанной нормы будет способствовать решению названной проблемы). Можно ли из сказанного сделать вывод о том, что средства компенсационных фондов СРО, реорганизуемых, например, в форме слияния, должны образовывать компенсационный фонд вновь созданной СРО?

Обращаясь к проблеме конкурсной трансформации ликвидации СРО АУ, отметим следующее. Пункт 3 ст. 21 Закона о банкротстве устанавливает субсидиарное применение к её ликвидации норм ГК РФ, тогда как преимущественное применение имеют нормы Закона о банкротстве. Одна из особенностей заключается в том, что в состав ликвидационной комиссии некоммерческой организации, имеющей статус СРО АУ, включается представитель национального объединения саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (127-ФЗ). Данное объединение – Российский Союз Саморегулируемых Организаций Арбитражных Управляющих – было создано 3 июля 2009 г.¹

Ещё одно направление рассматриваемого трансформационного воздействия конкурсного права определяется нормами п. 13 ст. 25.1 Закона о банкротстве, устанавливающими, что в случае исключения сведений о некоммерческой организации из единого государственного реестра саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, кроме случая исключения таких сведений в связи с её реорганизацией, или ликвидации некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации, имущество, составляющее компенсационный фонд саморегулируемой организации арбитражных управляющих, подлежит передаче национальному объединению саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (127-ФЗ). Это означает, что часть имущества у юридического лица изымается, если организация лишается надстроечного статуса, то есть исключается из реестра СРО. Иначе говоря, активы некоммерческой организации, имеющей статус СРО АУ, частично забронированы от взыскания по её обязательствам.

Другой аспект, на котором представляется необходимым остановиться, – трансформация ответственности определённых субъектов, названных в действующем законодательстве контролирующими должника лицами. Ответственность контролирующих лиц – развитие доктрины снятия корпоративных покровов, которая в принципе не характерна для континентальной правовой системы, но в последнее время внедряется в неё достаточно активно. Теория снятия корпоративных покровов, или прокалывания корпоративной вуали (*piercing the corporate veil*), приподнимания корпоративной вуали (*lifting the corporate veil*), привлекает внимание учёных (см. [11–19]); подробно рассматривать её сущность мы не будем.

Привлечение к ответственности по обязательствам юридического лица третьих лиц, хотя весьма привлекательно как для кредиторов, так и для самого юридического лица, имеет серьёзную правовую опасность. Её можно назвать своего рода миной замедленного действия, поскольку реализация данной модели

---

¹ См. <http://www.rsoau.ru/01.01.01.01/9>.

ведёт к размыванию конструкции юридического лица как самостоятельного субъекта правоотношений, влечёт утрату ценности феномена юридического лица в том виде, в каком он функционирует в современной правовой системе.

Позиция высшего судебного органа в настоящее время определяется Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». В документе, с одной стороны, говорится о том, что «привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (пункт 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации... его самостоятельную ответственность (статья 56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (статья 10 ГК РФ)» (ППВС). С другой стороны, возможности по привлечению третьих лиц к ответственности по обязательствам должника существенно расширяются. Тем самым конкурсной трансформации подвергается конструкция юридического лица, точнее, такие его конститутивные параметры, как имущественная обособленность и самостоятельная имущественная ответственность.

Резюмируя сказанное в настоящей статье, отметим, что конкурсное право – феномен, правовая функция которого определяется его трансформирующим воздействием на нормы гражданского и иных отраслей права. Правовое явление, которое можно назвать конкурсной трансформацией, состоит в том, что нормы конкурсного права не создают новую отрасль или новый институт, но видоизменяют тем или иным образом существующие институты, причём происходит это исключительно для целей конкурсного права, поэтому трансформирующее воздействие прекращается после прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве).

Источники

- ГК РФ – Гражданский Кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный Закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29 дек. 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- 127-ФЗ – Федеральный Закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
- 266-ФЗ – Федеральный Закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4815.
- ППВС – Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 дек. 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Рос. газ. – 2017. – № 297.

Литература

1. *Белых В.С.* Концепция банкротства: законодательная модель и реальность // Рос. юрид. журн. – 1995. – № 3. – С. 37–48.
2. *Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л.* Правовые основы несостоятельности (банкротства). – М.: Норма: Инфра-М, 2001. – 311 с.
3. *Кулагин М.Н.* Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Кулагин М.Н. Избранные труды. – М.: Статут, 1997. – 330 с.
4. *Попондопуло В.Ф.* Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). – М.: Юрист, 2001. – 331 с.
5. *Телюкина М.В.* Предмет, метод, цели, принципы и иные характеристики конкурсного права // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. – 2017. – Т. 12, № 6. – С. 63–73.
6. *Шимарева Т.П.* Правовые вопросы реорганизации и ликвидации юридических лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – 179 с.
7. *Телюкина М.В.* Динамика и тенденции развития отношений несостоятельности (банкротства) в современном российском праве // Проблемы современной цивилистики: Сб. ст., посвящ. памяти проф. С.М. Корнеева / Отв. ред. Е.А. Суханов, М.В. Телюкина. – М.: Статут, 2013. – С. 117–130.
8. *Агеев А.Б.* Банкротство в гражданском праве. Проблемы теории: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 144 с.
9. *Пирогова Е.С., Курбатов А.Я.* Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). – Саратов: КУБиК, 2012. – 128 с.
10. *Семина А.Н.* Банкротство. Вопросы правосубъектности должника – юридического лица. – М.: Экзамен, 2003. – 224 с.
11. *Габов А.В.* Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестн. Высш. арбитраж. суда РФ. – 2013. – № 7. – С. 36–79.
12. *Егоров А.В., Усачева К.А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестн. Высш. арбитраж. суда РФ. – 2013. – № 12. – С. 6–61.
13. *Жукова Ю.Д.* Ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица: анализ правовых возможностей, заложенных в статье 53.1 Гражданского кодекса РФ // Вестн. арбитраж. практики. – 2014. – № 5. – С. 15–24.
14. *Захаров А.Н.* Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // Вестн. эконом. правосудия РФ. – 2014. – № 10. – С. 32–62.
15. *Кузнецов А.А.* Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестн. Высш. арбитраж. суда РФ. – 2013. – № 10. – С. 50–54.
16. *Ломакин Д.В.* Концепция снятия корпоративного покрова: реализация её основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестн. Высш. арбитраж. суда РФ. – 2012. – № 9. – С. 6–33.
17. *Полковников Г.В.* Английское право о компаниях: закон и практика. – М.: НИМП, 2000. – 240 с.
18. *Федчук В.Д.* De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 400 с.

19. Шиткина И.С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // *Хозяйство и право*. – 2013. – № 2. – С. 3–26.

Поступила в редакцию
12.03.18

Телюкина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

пр-т Вернадского, д. 84, г. Москва, 119571, Россия

профессор кафедры гражданского права и процесса

Российский новый университет

ул. Радио, д. 22, г. Москва, 105005, Россия

E-mail: marwict@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 2, pp. 415–423

**Some Aspects of Transformational Effects
of Bankruptcy Law on Legal Entity Construction**

M.V. Teliukina

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Moscow, 119571 Russia*

Russian New University, Moscow, 105005 Russia

E-mail: marwict@mail.ru

Received March 12, 2018

Abstract

The legal function of bankruptcy law that influences the legal relations regulated by it so that they change in character, inner organization, and ways of implementation has been studied. It could be called transformational (transforming) effects of bankruptcy law. Special attention has been paid to the transformation of various aspects of construction of a legal entity involved in bankruptcy, including contestation of dealings, reorganization of the legal debtor and self-regulatory organizations of insolvency receivers, bringing the persons controlling the debtor to subsidiary responsibility in the framework of the development of the doctrine of piercing of the corporate veil. It has been emphasized that the standards of bankruptcy law do not create a new branch or institution, but modify the existing institutions for the purposes of bankruptcy law.

Keywords: bankruptcy law, insolvency, bankruptcy transformation, reorganization, self-regulation, contestation of dealings, corporate veil piercing, compensation fund

References

1. Belykh V.S. The concept of bankruptcy: Legislative model and reality. *Rossiiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 1995, no. 3, pp. 37–48. (In Russian)
2. Belykh V.S. Dubinchin A.A. Skuratovskii M.L. *Pravovye osnovy nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* [The Legal Basis of Insolvency (Bankruptcy)]. Moscow, Infra-M, Norma, 2001. 320 p. (In Russian)
3. Kulagin M.N. State-monopoly capitalism and legal entity. In: Kulagin M.N. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Statut, 1997. 330 p. (In Russian)

4. Popondopulo V.F. *Konkursnoe pravo. Pravovoe regulirovanie nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* [Competition Law. Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy)]. Moscow: Yurist, 2001. 331 p. (In Russian)
5. Telyukina M.V. Subject, method, objectives, principles and other characteristics of competition law. *Trudy Instituta Gosudarstva i Prava*, 2017, vol. 12, no. 6, pp. 63–73. (In Russian)
6. Shishmareva T.P. Legal issues of reorganization and liquidation of legal entities. *Cand. Leg. Sci. Diss.* Moscow, 1992. 179 p. (In Russian)
7. Telyukina M.V. Dynamics and trends in the development of insolvency (bankruptcy) relations in modern Russian law. In: *Problemy sovremennoi tsivilistiki* [Problems of Modern Civilization]. Moscow, Statut, 2013, pp. 117–130. (In Russian)
8. Ageev A.B. Bankruptcy in civil law. Problems of theory. *Cand. Leg. Sci. Diss.* Moscow, 2001. 144 p. (In Russian)
9. Pirogova E.S., Kurbatov A.Ya. *Ogranichenie pravosposobnosti i deesposobnosti yuridicheskikh lits – dolzhnikov v ramkakh del o nesostoyatel'nosti (bankrotstve)* [Limitation of Legal Capacity and Legal Capacity of Legal Entities - Debtors in the Framework of Insolvency (Bankruptcy) Cases]. Saratov, KUBiK, 2012. 128 p. (In Russian)
10. Semina A.N. *Bankrotstvo. Voprosy pravosub'ektnosti dolzhnika – yuridicheskogo litsa* [Bankruptcy. Issues of Legal Personality of Debtor-Legal Entity]. Moscow, Izd. Ekzamen, 2003. 224 p. (In Russian)
11. Gabov A.V. On the responsibility of members of the management bodies of legal entities. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2013, no. 7, pp. 36–79. (In Russian)
12. Egorov A.V., Usacheva K.A. Subsidiary responsibility for bringing to bankruptcy is an unsuccessful equivalent of the Western doctrine of removing corporate cover. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2013, no. 12, pp. 6–61. (In Russian)
13. Zhukova Y.D. Responsibility of persons who have the actual ability to determine the actions of a legal entity: An analysis of the legal possibilities laid down in Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik Arbitrazhnoi Praktiki*, 2014, no. 5, pp. 15–24. (In Russian)
14. Zakharov A.N. Some issues of lifting the corporate veil: American experience and possibilities of its use in Russian law. *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya RF*, 2014, no. 10, pp. 32–62. (In Russian)
15. Kuznetsov A.A. Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 62 of July 30, 2013 “On Certain Issues of Compensation for Losses by Persons Formed by the Bodies of a Legal Entity”. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2013, no. 10, pp. 50–54. (In Russian)
16. Lomakin D.V. The concept of removing the corporate cover: The implementation of its main provisions in the current legislation and the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court*, 2012, no. 9, pp. 6–33. (In Russian)
17. Polkovnikov G.V. *Angliiskoe pravo o kompaniyakh: zakon i praktika* [English Company Law: Law and Practice]. Moscow, NIMP, 2000. 240 p. (In Russian)
18. Fedchuk V.D. *De facto zavisimost' de jure nezavisimykh yuridicheskikh lits: proniknovenie za korporativnyi zhanaves v prave vedushchikh zarubezhnykh stran* [De facto Dependence of de jure Independent Legal Entities: Penetration of the Corporate Curtain in the Law of Leading Foreign Countries]. Moscow, Walters Kluwer, 2008. 400 p. (In Russian)
19. Shitkina E.S. “The removal of the corporate veil” in Russian law: Legal regulation and practice of application. *Khozyaistvo i Pravo*, 2013, no. 2, pp. 3–26. (In Russian)

Для цитирования: Телюкина М.В. Некоторые аспекты трансформационного воздействия конкурсного права на конструкцию юридического лица // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 2. – С. 415–423.

For citation: Teliukina M.V. Some aspects of transformational effects of bankruptcy law on legal entity construction. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 2, pp. 415–423. (In Russian)